

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.49.25>

ВОСПРИЯТИЕ ПРОЗЫ И. ГРЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКОЙ 1960–1990-Х ГОДОВ

Научная статья

Пителина Н.А.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0000-7464-0586;

¹ Псковский государственный университет, Псков, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (natalya.p.77[at]mail.ru)

Аннотация

В статье анализируется восприятие прозы И. Грековой (литературный псевдоним Е.С. Вентцель) отечественной литературной критикой 1960-1990-х годов. Уже первые произведения «За проходной», «Дамский мастер» оказываются в центре литературно-общественных дискуссий о герое эпохи: современном ученом, положительном герое, молодом поколении «деловых людей». Повесть «На испытаниях», посвященная неудачным военным испытаниям 1952 года, задала тон полемике о «праве художника писать правду»: к «правде» как мерилу идейной и художественной ценности апеллировали обе стороны спора. Для критики 1960-х годов характерно обращение к содержательной стороне произведений, жесткость идеологических оценок и полярность мировоззренческих позиций критиков. Литературная критика 1970-х годов большее внимание уделяет эстетической сущности художественного текста: сюжетным, композиционным, жанровым особенностям, языку произведений, хотя полемика о «бытовой» прозе, начатая еще в 1960-е не утихает. В 1980-е чаще появляются рецензии обобщающего характера, осмысляющие литературное творчество писательницы в целом. Критика движется от субъективного взгляда в сторону объективного, аналитического исследования.

Ключевые слова: И. Грекова, Е.С. Вентцель, литературная критика 1960-1990-х гг., литературная полемика, бытовая проза.

PERCEPTION OF I. GREKOVA'S PROSE BY LITERARY CRITICISM OF THE 1960S–1990S

Research article

Pitelina N.A.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0000-7464-0586;

¹ Pskov State University, Pskov, Russian Federation

* Corresponding author (natalya.p.77[at]mail.ru)

Abstract

The article analyzes the perception of the prose of I. Grekova (literary pseudonym E.S. Ventzel) by domestic literary criticism in the 1960-1990s. The very first works “Behind the Gate” and “The Ladies' Master” find themselves at the center of literary and public discussions about the hero of the era: a modern scientist, a positive hero, the young generation of “business people”. The story “On Trials”, dedicated to the unsuccessful military trials of 1952, set the tone for the debate about “the artist's right to write the truth”: both sides of the dispute appealed to “truth” as a measure of ideological and artistic value. Criticism of the 1960s was characterized by an appeal to the content of works, rigidity of ideological assessments and polarity of the worldview positions of critics. Literary criticism of the 1970s paid more attention to the aesthetic essence of a literary text: plot, compositional, genre features, and the language of works, although the controversy about “everyday” prose, which began in the 1960s, does not subside. In the 1980s, reviews of a general nature appeared more often, comprehending the literary work of the writer as a whole. Criticism moves from a subjective view towards objective, analytical research.

Keywords: I. Grekova, E.S. Ventzel, literary criticism of the 1960-1990s, literary polemics, everyday prose.

Введение

Литературное творчество И. Грековой (литературный псевдоним Е. С. Вентцель) – самобытное и заметное явление в историко-литературном процессе 1960–1980-х годов, которое воссоздаёт культурную атмосферу эпохи «оттепели» и застоя, отражает авторский взгляд на общественную и литературную ситуацию тех лет. Целью данной работы является анализ литературно-критических работ 1960-1990 годов, посвященных художественной прозе писательницы.

Основные результаты

Первый рассказ «За проходной» был опубликован в журнале «Новый мир» (1962, № 7) благодаря А.Т. Твардовскому, который прочитал и дал краткую рецензию с рекомендацией – «печатать» [4, С. 66]. Главный редактор «Нового мира» определяет жанр «За проходной» как очерк, вводящий «читателя в тот особый мир деятельности людей советской научно-технической мысли, который по необходимости находится “за закрытой дверью»» [26, С. 294]. Отмечая несомненные очерковые достоинства произведения: «впечатляющую атмосферу напряженности творческого труда... дух светлого товарищества, молодого порыва, здорового рабочего беспокойства...» и т.д., рецензент скептически относится к введению автором романтических любовных линий как элементов художественности, разрушающих жанровую специфику очерка. «Автор делает неверный шаг лишь там, где

пытается выйти, так сказать, за границы своего жанра и «на скорую руку» пытается ввести в свой рассказ романтический сюжетный элемент. <...>, без которого «можно с пользой для дела обойтись» [26, С. 294-295].

Публицистический характер «За проходной» обусловил мгновенную популярность и принятие прозы И. Грековой как в читательской среде, так и у профессиональных критиков, а после успеха рассказа «Дамский мастер» («Новый мир», 1963, № 11) А. Т. Твардовский предложил писательнице сменить научную и преподавательскую сферы деятельности и заняться литературным творчеством всерьёз.

Анализируя отзывы современников на произведения И. Грековой, можно сделать вывод, что прозаику в определённом смысле с критикой повезло: ни одно из её произведений не прошло незамеченным.

Рассказ «За проходной» получил доброжелательные отзывы Г. Охотиной («Первый рассказ – первый успех», («Молодая гвардия», 1963, № 1), Л. Михайловой («Путешествие – за проходной», («Литературная газета», 1962, 13 сентября), «Общение с умным героем» («Знамя», 1963, Кн. 11). Последняя рецензия наглядно демонстрирует типичное состояние критики 1960-х годов: рассмотрение «обоймы» писателей, произведения которых объединяются по какому-то одному признаку, – чаще всего, по образу героя, сходным конфликтам и проблематике (Кроме уже упомянутой статьи можно назвать ряд критических откликов на произведения писательницы: Пустовойт П. В поисках деятельной личности (Литературная Россия. 1964. 15 мая); Мотяшов И. «Охота на зайцев» и новый человек (Подъем. 1964. № 4); Бровман Г. Гражданское чувство и характер современника (из критического дневника) (Москва. 1966. № 4) и др.). Этот «перечислительный» принцип, как правило, не давал возможности выявить эстетическую ценность того или иного произведения. На первый план выдвигалась социальная значимость типа героя в соответствии с идеологической конъюнктурой. Литературная критика занималась поиском нового положительного героя и обнаруживала его в произведениях об ученых и жизни советской науки. Таким образом, по общему мнению критиков, тематика и проблематика рассказа хорошо ложатся на фундамент жанра «производственной» литературы, уже достаточно полно освоенной прозой советского периода.

В дальнейшем произведения И. Грековой становятся поводом для целого ряда дискуссий. Полемика, развернувшаяся после публикации рассказа «Дамский мастер», характеризует не только и не столько сам рассказ, сколько вкусовые предпочтения критиков, обсуждающих произведение, и общественную ситуацию начала 1960-х годов.

Спор о герое рассказа Виталии Плавникове открылся статьёй П. Пустовойта «В поисках деятельной личности». Критик относится к Виталию как герою «производственного романа», в формировании жизненной позиции которого важную роль должен сыграть коллектив. Вину за несостоявшуюся, по его мнению, личность героя критик возлагает на автора, который «допустил просчет, отъединив Плавникова от коллектива» (герой покинул место своей работы)» [23, С. 6]. Ещё более негативную оценку даёт рассказу Г. Бровман, для которого «многозначительность повествования ложна... эскизы не стали картиной, а меткие психологические наброски не слились воедино, не воплотились в своеобразную индивидуальность героя», рассказ представляет собой «панораму в отдельных застывших кадрах». Критик сетует на то, что «способная писательница сошла с того пути, на который встала своим первым рассказом «За проходной» («Факты быта стали вытеснять в ее произведениях внушения труда...») и обвиняет И. Грекову в «пошловатости» [3, С. 107]. Таким образом, литературный текст помещён критиками в прокрустово ложе нормативной концепции соцреалистического канона.

В. Лакшин первым обратил внимание на стилистику оппонентов И. Грековой. В монологах и нападках на рассказ критиков П. Пустовойта и Г. Бровмана он услышал интонации самого Виталия Плавникова: «...Ваше выступление (Марьи Владимировны, героини рассказа. – Н. П.) было слишком простое, без формулировок, и оно меня не удовлетворило...». Критик называет это «редким случаем бессознательного заимствования, которому обрадовались бы любители изучать природу творчества по Фрейдю» [12, С. 234].

Совершенно по-иному оценили рассказ И. Грековой Ф. Левин и В. Соколов. Ф. Левин увидел в рассказе «подлинное художественное произведение, открывающее новый угол жизни. В нем созданы, по крайней мере, два новых образа, к анализу которых бессмысленно подходить со схемами и догмами» [13, С. 335]. В. Соколову Виталий представляется таким же чудачком, как и героиня В. Шукшина: «Чудак-парень – сколько разного, несовместимого, из разных слоёв и периодов нашей жизни сошлось, переворачивается, укладывается в его голове. Не знаю, кажется, ни на кого другого в литературе последних лет не похож этот простоватый с виду и такой непростой внутри «дамский мастер». Он о многом заставляет задуматься» [25, С. 56-57].

Позднее молодых, казалось бы, ничем не примечательных героев, вроде Виталия Плавникова, – житейски цепких и практичных – назовут «рационалистами». В 1970-е годы молодые рационалисты повзрослеют и превратятся в «деловых» людей. И. Грекова почувствовала «приближение» нового человека эпохи НТР и заставила задуматься об этом феномене старшее поколение.

Наиболее бурную полемику вызвала публикация повести «На испытаниях» («Новый мир», 1967, № 7), в центре которой было описание неудачных военных испытаний и военный быт 1952 года.

В конце 60-х годов развернулись дискуссии о путях дальнейшего развития военной прозы. От панорамного, героического изображения событий Великой Отечественной войны литература явно продвигалась в направлении «окопной» правды. На специальном совещании писателей РСФСР обсуждалась не только проза о самой войне, но и о жизни современной армии, её проблемах и достижениях. «...Новая армия – армия космического и атомного века. Современный воин – это человек, высокой интеллектуальной культуры и совершенной технической квалификации» [20, С. 174]. С этих позиций и была предана проработке повесть И. Грековой.

Изображение быта советской армии в мирное время в весьма неприглядном виде, «с точки зрения кухни», вызвало резкие нападки критики. По подсчётам писательницы, на повесть обрушилось более тридцати «разгромных» рецензий. Львиная доля отрицательной критики исходила из официозных периодических изданий (журналы «Москва», «Молодая гвардия», «Коммунист» и др.). В. Розанов полагал, что «писательница словно задалась целью

выставить в неприглядном свете своих героев: смотрите, как убог и примитивен их внутренний мир, как мелки и ничтожны их запросы, как жалка та действительность, которая их окружает» [24, С. 293]. Ему вторил А. Елкин в статье с претенциозным названием «Перед кем снимет шляпу Шекспир?..» (повести И. Грековой посвящён раздел «Любовь, оборачивающаяся равнодушием») [7, С. 190-210]. Примечательно, что Елкин повторял те же цитаты из повести, что и Розанов, а статья его представляла не более чем вольный пересказ рецензии Розанова.

Зачастую критика тех лет, по мнению С. И. Кормилова, руководствовалась в своих оценках общим запретом «на определенные темы, особенно из советской истории», происходила «канонизация официальных представлений о ней» [10]. Изображение армии в избранном писательницей ракурсе явно нарушало общепринятые нормы. Кошунственными был и сам сюжет – неудача испытаний нового вооружения на секретном полигоне, и даже публикация повести в «Новом мире». Поэтому В. Розанов, А. Елкин, Г. Бровман, Б. Леонов дружно апеллировали к узаконенному собирательному образу Советской Армии, «не так давно триумфально прошедшей Европу и сломавшей хребет самому сильному, какой только был в истории человечества, врагу – гитлеровскому фашизму». Не должно было, с точки зрения этих критиков, молодое послевоенное поколение воспитываться на примере грековских героев: «Какую духовную стойкость и выдержку, опыт приобретут вчерашние ребята, пришедшие в армию, вздумай они подражать таким командирам!..» [15, С. 211].

«Проработке» была подвергнута не только повесть и её идейно-художественные достоинства, но и доктор технических наук, профессор Е. С. Вентцель, хотя ее писательская и научно-преподавательская деятельность до этого обсуждения не пересекались. Политотдел академии им. Н. Е. Жуковского провёл партийное собрание (хотя И. Грекова подчеркивала, что никогда не являлась членом партии) и принял решение: «считать произведение идейно порочным и находящимся на низком художественном уровне» [5, С. 79]. И. Грекову это решение побудило подать заявление в Союз писателей с просьбой провести обсуждение повести. 16 февраля 1968 года состоялось заседание партбюро творческого объединения прозы Московской писательской организации СП РСФСР. Текст стенограммы, насчитывающий 188 страниц, свидетельствует, что писатели и критики, в числе которых были В. Лакшин, Ф. Левин, Ф. Кузнецов, Т. Мотылева, А. Крон, Н. Ильина, А. Борщаговский, практически единодушно высоко оценили художественные достоинства повести. Весомый вклад в защиту произведения внесло заочное выступление К. И. Чуковского, который поддержал писательницу открытым письмом.

Обсуждение повести строилось на разных мировоззренческих основаниях, но обе стороны апеллировали к «правде» как мерилу идейной и художественной ценности. «Здесь идет спор о праве художника писать правду...» [8, С. 61]. Консервативная сторона обвиняла писательницу в отсутствии образа партии и «партийного влияния», карикатурности и ограниченности героев, «интимную жизнь и нравственные вывихи которых щедро описывает автор» [8, С. 64]; упрекала в том, что «натуралистическое копирование фактов, имевших место в действительности, еще не имеет ничего общего с искусством» [8, С. 60]; что «произведение противоречит коренным положениям марксистско-ленинского учения по вопросу о роли народных масс и личности в истории» [8, С. 68]. Следовательно, повесть не правдива и не достигает поставленной цели: воспитания молодого поколения и укрепления «оборонной мощи» [8, С. 71] страны. Противоположная сторона акцентировала внимание на языке повести, месте иронии и сатиры в ней, на обаятельности героев («В повести нет белых и черных. Есть живые и правдивые. Это цельные характеры» [8, С. 49]) и их талантливости в работе, на психологической разработке характеров. Из письма К.И. Чуковского: «Ее (И. Грековой. – Н.А.) искусство больше всего замечательно тем, что, воссоздавая образы различных (преимущественно хороших) людей, она не упрощает их психику в угоду каким бы то ни было внелитературным задачам, а рисует каждого человека во всей его сложности, во всем многообразии его психической жизни. Здесь высшее достижение ее реализма» [8, С. 66]. Подытоживающим спор о правде и воспитательной роли литературы можно считать высказывание летчика-испытателя М. Галлая: «Воспитывать людей можно только правдой, той правдой, которой, с моей точки зрения, в повести Грековой очень много» [8, С. 62]. Таким образом, приведенная дискуссия демонстрирует, что повесть оказывается вовлечена в более широкий культурно-исторический спор о правде в жизни и литературе, о границах «натурализма» и «реализма», документальности и художественном вымысле.

Подытоживая отзывы 1960-х годов, следует отметить, что чаще всего критика обращает внимание на остроту и злободневность произведений И. Грековой, на соответствие героев общественным эталонам. Критический взгляд этого времени публицистичен и полемичен. Зачастую литературное произведение является лишь плацдармом для обсуждения той или иной политической или социальной проблемы. Отстаёт часть критиков и от тенденций, наметившихся в текущем литературном процессе. Особенно ярко это отставание проявилось в яростных нападках на так называемую «бытовую» прозу, к которой были отнесены произведения писательницы. При этом стилевое своеобразие, художественные достоинства прозы остаются недостаточно востребованными.

Судьба повести «На испытаниях» определила дальнейшую литературную деятельность автора, поставив его в ряд «неблагонадежных».

В 1970-е годы в разных журналах опубликованы повести И. Грековой «Маленький Гарусов» («Звезда», 1970, № 9), «Хозяйка гостиницы» («Звезда», 1976, № 9), «Кафедра» («Новый мир», 1978, № 9). Отдельными изданиями произведения писательницы не выходят. В настоящее время известно, что часть произведений осела «в столе» писательницы: рассказы «Хозяева жизни» (1960) и «Без улыбок» (1970); роман «Свежо предание» (первое название «Кривая Пеано», предположительно, 1962). «Хозяева жизни» стали известны читателю в 1988 году, «Без улыбок» – в 1986, а роман «Свежо предание» впервые издан в 1995 году в США. Больше 10 лет понадобилось писательнице, чтобы опубликовать повесть «Вдовый пароход» (написана в начале 1970-х гг., опубликована в 1981). Следовательно, рассказ «Хозяева жизни» и роман «Свежо предание» выпали из историко-литературного и культурного контекста 1960-х годов, а рассказ «Без улыбок» и повесть «Вдовый пароход» – из контекста 1970-х.

Рассказывая о возникновении замысла произведения и его воплощении, И. Грекова писала: «Никогда не могу сказать, почему пишу так или иначе, но безошибочно чувствую: так надо. Потому так и сопротивляюсь любому

редактированию: мои герои сами себя редактируют, свои характеры, слова и судьбу – переделать я в них ничего не могу. Если, путем долгих измышательства, меня все же вынудят на кой-какие переделки, то изувеченное таким образом произведение становится мне ненавистно – зачастую я не могу его прочесть напечатанным, как случилось, скажем, с повестью «Маленький Гарусов» [14, С. 268] (курсив И. Грековой. — Н. П.).

Повесть оказалась «нелюбимым ребёнком» писательницы. Не была она принята (по совсем иным причинам!) и критикой. Общим местом при разборе повести стало отсутствие «последовательного масштабного подхода к обстоятельствам жизни» [6, С. 204], исследование «мирка бескрылой обывательщины» [21, С. 4], «рутины чувств и затейливой игры рефлексов» [9, С. 274]. Гарусов представал в интерпретации критики либо как «современный Дон Кихот, лишенный веры и внутреннего жара своего предшественника» [17, С. 40], либо как серый обыватель, «человечек» не ростом, а сущностью своей» [21, С. 4]. В. Перцовский, правда, пытался трактовать жанр повести в духе времени – как оригинальную притчу, но и притча эта, по его мнению, иллюстрировала заранее данный тезис вместо художественного исследования жизни.

Роль быта в формировании характеров персонажей И. Грековой трактовалась в первой половине 70-х годов, по большей части, как «плоское бытописание», сама тематика объявлялась «мелкотравчатой».

Хотя писательницу часто упрекали в описании повседневности, обыденности, «бытовая» повесть «Хозяйка гостиницы» была встречена критикой хорошо. Н. Орехова верно подметила, что в прозе писательницы (не только в данной повести) мир и дом (а тема «дома» связана с бытом напрямую) часто выступают как синонимы: «Только тогда он (человек. – Н. П.) обретает надежный дом, когда выходит в мир людей, потому что в них – дом души человеческой» [16, С. 192]. Рецензию Е. Дубина («Литературное обозрение», 1977, № 10) на «Хозяйку гостиницы» (она выросла из частного письма, написанного критиком И. Грековой) сама писательница считала лучшей. Вот что она пишет в ответ: «Вы себе не можете представить, как я была тронута Ваши письмом! <...> Честное слово, это не письмо, а готовая критическая статья, и, при вычеркивании обращения и личных подробностей, вполне могла бы быть напечатана!.. Ваш разбор моей «Хозяйки гостиницы» поразил меня своей чуткостью, тонкостью восприятия и замысла, оригинальными мыслями...» [18].

Начиная с отзывов об этой повести, критика открывает специфику личности грековских героев в их «упоении жизнью», непокоряющемся, неумном, жизнелюбии, в наполнении жизни «высоким человеческим смыслом». Быт, по наблюдениям критиков, постепенно начинает смыкаться с бытием. Все чаще критики анализируют выразительный язык писательницы, используемые ею изобразительные средства, стилиевые особенности повествования: тонкую иронию, юмор. Таким образом, общее направление критики во второй половине 70-х гг. – эстетическое исследование художественного текста, хотя ещё сильна ортодоксальная линия, представленная рецензией Н. Буханцова «Эпизоды заскорузлого быта» («Литературная Россия», 1977, 15 апреля). Из названия видно, что камнем преткновения уже в который раз становится бытописание, полемика о котором была начата ещё в 60-е годы.

Литературный процесс 1970-х годов выводит на свою авансцену «женскую тему» и «женскую прозу», со всей спецификой её тематики и проблематики, типажом героинь, набором художественных приёмов и средств. Критика подхватывает новые веяния и отдельно рассматривает женские образы в прозе И. Грековой. Героинь «Хозяйки гостиницы» и «Кафедры» («Новый мир», 1978, № 9) неоднократно сопоставляли со «сладкой» женщиной Анной Доброхотовой из повести И. Велембовской «Сладкая женщина». Образ Нины Асташевой рассматривался в призме гендерного подхода (правда, этот термин войдёт в отечественную критику и литературоведение позднее), о чём свидетельствуют названия статей, посвящённых «Кафедре» (И. Гусарова – «“Странные женщины” или тоска по гармонии» («Знамя», 1979, № 9); С. Боровиков — «Мы только знакомы (женщина и проблема семейного счастья в двух журнальных повестях)» («Наш современник», 1979, № 12). Попытку анализировать повесть в контексте литературного процесса предпринимает Л. Попов в работе «Поворот темы». Автор соотносит повесть с произведениями на производственную тему 1970-х, отмечая тематическое новаторство писательницы и новый взгляд на «рядового» человека. Одновременно критик выражает недовольство тем, что в произведении с «производственным» названием «Кафедра» сама производственная тема заявлена лишь в конце, да и там «не слишком четко, всего лишь как одна из граней развития действия» [22, С. 193].

Многие писатели ведут в эти годы мучительные поиски новых форм, необычного ракурса. Вектор развития литературы перемещается с острой публицистичности и документальности стиля, характерных для литературы 1960-х, в сторону эстетической художественности и обобщений. По мнению А. Бочарова, «современная проза стремится подчас “взорвать” эпическую последовательность, эпическое спокойствие повествования». Он упоминает введённые автором в «Кафедру» дневниковые записи умершего героя (профессора Завалишина) как «симптом поисков новых форм внутреннего напряжения сюжета» [2, С. 209].

Таким образом, критику 1970-х годов отличает большее внимание к художественным особенностям рецензируемого текста, к поэтике; идёт на убыль сугубо социологический взгляд на произведение, определяющий критерии художественной ценности в 1960-е годы. При этом начинает набирать обороты гендерный подход к произведениям авторов-женщин, в ряд которых попадает и проза И. Грековой.

В более либеральные 1980-е годы в литературный процесс возвращаются не опубликованные ранее произведения: «Вдовый пароход», «Без улыбок», «Хозяева жизни»; в 1990-е – роман «Свежо предание». Культурно-литературное лицо этого периода формировалось огромным массивом очень значительной «возвращённой» и «другой» литературы, на фоне которой запоздавшая проза И. Грековой была уже не очень заметна. Попутно отметим смену культурного и идеологического вектора текущего литературного процесса главными журналами-антагонистами. Если «глотком свободы» в 1960-е годы был оппозиционный журнал «Новый мир», определивший писательскую стратегию и судьбу И. Грековой, то в 1980-е она печатается исключительно в «Октябре», ставшем в эти годы рупором прогрессивной литературы. На отдельные произведения И. Грековой критика отзывается теперь гораздо реже. Всё чаще появляются рецензии обобщающего характера. Так, работа Т. Хмельницкой, близкой подруги писательницы, «Мера человечности»

(«Нева», 1982, № 2.), о проблеме духовного контакта в повести «Вдовый пароход», подчёркивает одну из нравственных проблем, проходящую через всё творчество писательницы – меру человечности. Эту же проблему рассматривает на материале романа «Пороги» другой критик, Е. Юкина в статье «Испытания» («Литературное обозрение», 1986. № 4).

Отметим, что роман «Пороги» вызвал полемику. По мнению Е. Шкловского, И. Грекова просто констатирует некоторые факты, так называемые «пороги», «через которые вынуждены проходить наука, да и не только она. Мелкие страстишки и амбиции – а сколько пены вокруг!». Критик утверждает, что «от литературы мы вправе ждать более глубокого художественного познания реальности и энергии мысли» [27, С. 27]. Можно сказать, что в 80-е годы и сама писательница, и критики осмыслиют всё ею написанное и подводят итоги. В статье И. Питляр, посвящённой стилю писательницы, автор уже самим названием уравнивает слово и дело, выражая такую особенность мировидения И. Грековой, как зримое, осязаемое, имеющее запах и вкус и в то же время сакральное, приближающееся к евангельскому, понимание слова, его материальной (графической) оболочки, музыки (фонетического состава) и т. д. [1, С. 252-255]. Другая статья, появившаяся в связи с 80-летним юбилеем Е. С. Вентцель, развивает идею о неоднозначности сюжетов И. Грековой. Она продолжает авторскую мысль о множественности точек зрения на события и персонажей. Философия прозы И. Грековой – «философия открытого доверия к бытию, к людям, сколько бы они не ошибались и как бы тревожно ни жили в разные времена» [1, С. 14], – подчёркивает А. Арьев.

Критику вышедшего в 1995 году в США романа «Свежо предание» можно назвать эпилогом к писательской судьбе И. Грековой. Этот роман по праву относится к «возвращённой» литературе. Сложность его интерпретации заключается в том, что это одно из ранних произведений, и публицистическая заострённость социально-политической и национальной проблематики не компенсирует его художественного несовершенства. В целом же, роман получил положительную оценку. Рецензенты Р. Зернова, написавшая предисловие к роману, и С. Костырко отмечают смелость И. Грековой, написавшей в начале 1960-х роман о судьбе евреев и русских в Советском Союзе в эпоху сталинизма, а недостатки его, как считает С. Костырко, «в известной степени компенсируются судьбой романа. Тут все тот же наш, специфический российско-советский, вариант, когда судьба произведения становится еще и прямым продолжением его содержания» [11, С. 241].

Заключение

На примере рассмотренных работ можно увидеть, как постепенно меняется направление критической мысли. Во-первых, внимание критики постепенно перемещается с героя и темы, то есть с содержательной составляющей, к форме: анализу сюжетных, композиционных, жанровых особенностей произведений И. Грековой. Во-вторых, от однозначных, черно-белых оценок критика переходит к попыткам целостного рассмотрения текста; в-третьих, от чисто субъективного взгляда она движется в сторону объективного, аналитического исследования.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Безруков А.Н., Уфимский университет науки и технологий, Бирск, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.49.25.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Bezrukov A.N., Ufa University of Science and Technology, Birk, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2024.49.25.1>

Список литературы / References

1. Арьев А. Жажда открытости / А. Арьев // Литературная Россия. — 1987. — № 12. — с. 14.
2. Бочаров А. Тернистые пути художественной правды. Статья вторая / А. Бочаров // Октябрь. — 1979. — № 9. — с. 202-211.
3. Бровман Г. Плоское бытописание и его адвокат / Г. Бровман // Наш Современник. — 1965. — № 9. — с. 105-108.
4. Грекова И. О Фриде Вигдоровой / И. Грекова // Литературное обозрение. — 1996. — № 3. — с. 65-69.
5. Гутчин И.В. Елена Сергеевна Вентцель / И.В. Гутчин // Е. С. Вентцель – И. Грекова. К столетию со дня рождения: Сборник; под ред. Р. П. Вентцель, Г. Л. Эпштейн — Москва: Издательский дом "Юность", 2007. — с. 74-81.
6. Дымшиц А. За масштабность писательского мышления. Раздумья о двух повестях / А. Дымшиц // Москва. — 1971. — № 1. — с. 203-207.
7. Елкин А. Перед кем снимет шляпу Шекспир?.. / А. Елкин // Москва. — 1968. — № 10. — с. 190-210.
8. Из стенограммы. Из стенограммы обсуждения повести И. Грековой / Из стенограммы // Е. С. Вентцель – И. Грекова. К столетию со дня рождения: Сборник; под ред. Р. П. Вентцель, Г. Л. Эпштейн — Москва: Издательский дом "Юность", 2007. — с. 57-73.
9. Камянов В. Служба памяти / В. Камянов // Новый мир. — 1971. — № 5. — с. 270-275.
10. Кормилов С.И. Критика 70-х – первой половины 80-х годов / С.И. Кормилов, Е.Б. Скороспелова // Литературная критика XX века (после 1917 года). — 1996 — URL: <http://www.rl-critic.ru/kurs/metodicka.html> (дата обращения: 05.12.2023)
11. Костырко С. Кривая Пеано / С. Костырко // Новый мир. — 1996. — № 6. — с. 238-241.
12. Лакшин В. Писатель, читатель, критик. Статья первая / В. Лакшин // Новый мир. — 1965. — № 4. — с. 222-240.
13. Левин Ф.. Открытие / Ф. Левин // Литература и современность: статьи о литературе 1964-65 гг. Сб. 6.; — Москва: Гослитиздат, 1965. — с. 328-335.

14. Левитан Л. Диалог с писателем / Л. Левитан, Л. Цилевич // Вопросы литературы. — 1998. — № 4. — с. 260-289.
15. Леонов Б. За и против. Что защищает профессор Л. Плоткин? (За и против) / Б. Леонов // Москва. — 1969. — № 5. — с. 210-215.
16. Орехова Н. Дом души / Н. Орехова // Нева. — 1977. — № 6. — с. 191-192.
17. Перцовский В. Проза вмешивается в спор / В. Перцовский // Вопросы литературы. — 1971. — № 10. — с. 27-48.
18. Письмо И. Грековой к Е. С. Добину от 29.11.1976 // РГАЛИ. Ф. 2849. Оп. 1. Д. 67. Л. 9.
19. Питляк И. Доброе слово – это доброе дело / И. Питляк // Дружба народов. — 1981. — № 11. — с. 252-255.
20. Плоткин Л. Пути решения военной темы. Заметки и размышления / Л. Плоткин // Нева. — 1968. — № 6. — с. 170-174.
21. Подорожанский И. Этот маленький, маленький Гарусов... / И. Подорожанский // Литературная газета. — 1971. — 20 января. — с. 4.
22. Попов Л. Поворот темы / Л. Попов // Нева. — 1979. — № 5. — с. 193-194.
23. Пустовойт П. В поисках деятельной личности / П. Пустовойт // Литературная Россия. — 1964. — 15 мая. — с. 6.
24. Розанов В. Проза с запахом / В. Розанов // Молодая гвардия. — 1968. — № 1. — с. 293-295.
25. Соколов В. Чудаки и планиметрическая ясность / В. Соколов // Вопросы литературы. — 1965. — № 10. — с. 56-57.
26. Твардовский А.Т. Статьи и заметки о литературе. Речи и выступления (1933-1970): И. Грекова. «За проходной»: в 6 т.; / А.Т. Твардовский — Москва: Художественная литература, 1980. — 5 т.
27. Шкловский Е. По верхнему слою... Заметки о конфликте и герое в журнальной прозе / Е. Шкловский // Литературное обозрение. — 1985. — № 7. — с. 27-33.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ar'ev A. Zhazhda otkrytosti [Longing for Openness] / A. Ar'ev // Literary Russia. — 1987. — № 12. — p. 14. [in Russian]
2. Bocharov A. Ternistye puti hudozhestvennoj pravdy. Stat'ja vtoraja [The Thorny Paths of Artistic Truth. Article two] / A. Bocharov // October. — 1979. — № 9. — p. 202-211. [in Russian]
3. Brovman G. Ploskoe bytopisatel'stvo i ego advokat [Flat Everyday Writing and Its Advocate] / G. Brovman // Our Contemporary. — 1965. — № 9. — p. 105-108. [in Russian]
4. Grekova I. O Fride Vigdorovoj [On Frida Vigdorova] / I. Grekova // Literary Review. — 1996. — № 3. — p. 65-69. [in Russian]
5. Gutchin I.V. Elena Sergeevna Venttsel' [Elena Sergeevna Venttsel'] / I.V. Gutchin // E. S. Venttsel' – I. Grekova. K stoletiju so dnya rozhdeniya: Sbornik [E. S. Wentzel – I. Grekova. To the centenary of their birth: Collection of works]; edited by R. P. Venttsel', G. L. Epshtejn — Moscow: Publishing House "Yunost", 2007. — p. 74-81. [in Russian]
6. Dymshits A. Za masshtabnost' pisatel'skogo myshlenija. Razdum'ja o dvuh povestjah [For the Enormity of Writing Thinking. Reflections on Two Novels] / A. Dymshits // Moscow. — 1971. — № 1. — p. 203-207. [in Russian]
7. Elkin A. Pered kem snimet shljapu Shekspir?.. [Who will Shakespeare take his hat off to...?] / A. Elkin // Moscow. — 1968. — № 10. — p. 190-210. [in Russian]
8. Iz stenogrammy. Iz stenogrammy obsuzhdenija povesti I. Grekovej [From the transcript. From the transcript of the discussion of the story by I. Grekova] / E. S. Venttsel' – I. Grekova. For the centenary of his birth: A collection; edited by R. P. Venttsel', G. L. Epshtejn — Moscow: Publishing House "Yunost", 2007. — p. 57-73. [in Russian]
9. Kamjanov V. Sluzhba pamjati [Memory Service] / V. Kamjanov // New World. — 1971. — № 5. — p. 270-275. [in Russian]
10. Kormilov S.I. Kritika 70-h – pervoj poloviny 80-h godov [Criticism of the 1970s and the first half of the 1980s] / S.I. Kormilov, E.B. Skorospelova // Literary Criticism of the 20th Century (after 1917). — 1996 — URL: <http://www.rl-critic.ru/kurs/metodicka.html> (accessed: 05.12.2023) [in Russian]
11. Kostyrko S. Krivaja Peano [Peano Curve] / S. Kostyrko // New World. — 1996. — № 6. — p. 238-241. [in Russian]
12. Lakshin V. Pisatel', chital', kritik. Stat'ja pervaja [Writer, Reader, Critic. Article one] / V. Lakshin // New World. — 1965. — № 4. — p. 222-240. [in Russian]
13. Levin F.. Otkrytie [Discovery] / F. Levin // Literature and Modernity: articles on literature 1964-65. Coll. 6.; — Moskva: Goslitizdat, 1965. — p. 328-335. [in Russian]
14. Levitan L. Dialog s pisatelem [Dialogue with the Writer] / L. Levitan, L. Tsilevich // Issues of Literature. — 1998. — № 4. — p. 260-289. [in Russian]
15. Leonov B. Za i protiv. Chto zaschischaet professor L. Plotkin? (Za i protiv) [Pros and Cons. What does Professor L. Plotkin defend? (Pros and Cons)] / B. Leonov // Moscow. — 1969. — № 5. — p. 210-215. [in Russian]
16. Orehova N. Dom dushi [House of the Soul] / N. Orehova // Neva. — 1977. — № 6. — p. 191-192. [in Russian]
17. Pertsovskij V. Proza vmeshivaetsja v spor [Prose Intervenes] / V. Pertsovskij // Issues of Literature. — 1971. — № 10. — p. 27-48. [in Russian]
18. Pis'mo I. Grekovoy k E. S. Dobinu ot 29.11.1976 [Letter from I. Grekova to E. S. Dobin dated 29.11.1976] // RГАЛИ. Ф. 2849. Оп. 1. Д. 67. Л. 9. [RГАЛИ. Ф. 2849. Оп. 1. Д. 67. Л. 9]. [in Russian]
19. Pitljар I. Dobroe slovo – eto dobroe delo [A Good Word is a Good Deed] / I. Pitljар // Peoples Friendship. — 1981. — № 11. — p. 252-255. [in Russian]

20. Plotkin L. Puti reshenija voennoj temy. Zametki i razmyshlenija [Ways of Addressing the Military Theme. Notes and reflections] / L. Plotkin // Neva. — 1968. — № 6. — p. 170-174. [in Russian]
21. Podorozhanskij I. Etot malen'kij, malen'kij Garusov... [That little, little Garusov...] / I. Podorozhanskij // Literary Newspaper. — 1971. — January the 20th. — p. 4. [in Russian]
22. Popov L. Povорот темы [Turning the Subject] / L. Popov // Neva. — 1979. — № 5. — p. 193-194. [in Russian]
23. Pustovojt P. V poiskah dejatel'noj lichnosti [In Search of an Active Personality] / P. Pustovojt // Literary Russia. — 1964. — 15 мая. — p. 6. [in Russian]
24. Rozanov V. Proza s zapahom [Prose with Flavour] / V. Rozanov // Young Guard. — 1968. — № 1. — p. 293-295. [in Russian]
25. Sokolov V. Chudaki i planimetriceskaja jasnost' [Oddballs and Planimetric Clarity] / V. Sokolov // Issues of Literature. — 1965. — № 10. — p. 56-57. [in Russian]
26. Tvardovskij A.T. Stat'i i zametki o literature. Rechi i vystuplenija (1933-1970) [Articles and Notes on Literature. Speeches and speeches (1933-1970): I. Grekova. "Behind the pass": in 6 vols.] / A.T. Tvardovskij — Moscow: Fiction Literature, 1980. — 5 vol. [in Russian]
27. Shklovskij E. Po verhnemu sloju... Zametki o konflikte i geroe v zhurnal'noj proze [On the Top Layer... Notes on Conflict and the Hero in Journal Prose] / E. Shklovskij // Literary Review. — 1985. — № 7. — p. 27-33. [in Russian]